

М. ЕВГРАФОВА

МАМА

Мама... Как приятно это слово ласкает слух! Сразу всплывают воспоминания из далекого детства... Боже, как это было давно! Но волшебное слово несет меня все дальше и дальше... И вот я на краю у своего детства...

Я просыпаюсь оттого, что кто-то нежно гладит мою щеку. Знаю, это мама, но нарочно притворяюсь спящим. Мне нравится, когда она вот так сидит и ждет, когда же я проснусь. Тихонько открываю глаза и вижу родное лицо с легкой блуждающей улыбкой. Теплая ладонь матери касается моей головы, разглаживая спутавшиеся вихры русых волос:

— Пора, сынок...

Она уходит, а я не спеша встаю, натягиваю на себя одежду и шаркающей походкой иду на кухню. В приоткрытую дверь видно, как мать суетится, накрывая на стол. Легкое шелковое платье струится по ее стройному телу, словно сверкающий водопад. Высокая, худенькая, она сама будто подросток.

Мы садимся за стол, завтракаем, весело обсуждая вчерашние новости. Я смотрю на лицо матери. Ее большие серо-голубые глаза, распахнутые всему миру, затрагивают душу. В них столько любви и тепла! В них столько заботы и тревоги! А вот и первые морщинки в уголках глаз — след былых переживаний...

— Мама... Если бы ты знала, как дорого бы я сегодня отдал за то, чтобы твои прекрасные глаза не знали слез, а сердце не разрывалось от обид и невзгод...

Помнишь, однажды я подрался с Сережкой из параллельного класса. Не помню точно, что

мы не поделили, но досталось мне тогда хорошо: огромный синяк под глазом, большая ссадина на руке... Мне было страшно больно, но я, как настоящий мужчина, не проронил ни одной слезинки.

Как сейчас помню, захожу в гостиную и тут же упираюсь в твои растерянные глаза...

Сначала ты смотрела на меня молча и непрерывно, а потом вдруг подбежала, упала передо мной на колени и крепко, до боли, обняла. Потом начала целовать, приговаривая: «Господи, боже мой! Да что же это творится такое?!» С нежностью и трепетом ты прижигала мне ссадину, прикладывала лед на синяк, а потом хотела было поругать, да вдруг махнула рукой и скрылась за дверью...

Еще много чего было, и каждый раз, каждый божий день, каждую минуту я чувствовал, как сильно ты меня любишь, покорно принимаешь таким, какой я есть. И даже когда незаслуженно ранил тебя холодным, неосторожным словом или своим детским равнодушием, ты все прощала и каждой клеточкой души дарила свою материнскую любовь...

Мама, и я ведь тебя тоже очень сильно любил, но почему-то никогда об этом не говорил. Наверное, стеснялся или не хотел казаться мягкотелым.

Так пусть сегодня моя, быть может, запоздалая исповедь поставит все на свои места. Пусть не гаснет никогда свет в окнах родного дома, где добрая мать моя молится святой Богородице за спасение блудного сына. Ибо живы мы, покуда любят нас и ждут.

ВЕЧЕР

Вечерний закат... Ни с чем не сравнимое зрелище! На небе появляется невообразимо прекрасная палитра цветов. Встаю на пригорок, чтобы лучше было видно, и наблюдаю, как огненный солнечный диск уходит, оставляя после себя потрясающие по цвету и форме алые полосы. Это маленькое удовольствие

длится всего несколько минут, но этого достаточно, чтобы насладиться восхитительной красотой деревенского пейзажа. Только природа могла сотворить такие замечательные цвета и оттенки!

Земля, прогретая солнцем, такая теплая. Сажусь на нее и слушаю, как постепенно за-

тихают звуки. Больше не жужжат стрекозы и пчелы. Только слышно, как просыпаются сверчки и где-то на пруду квакают лягушки. Ночные обитатели выходят, чтобы насладиться прелестью наступивших сумерек.

Развожу костер и слышу, как потрескивают сухие ветки. Тень от костра падает на землю, вырисовывая причудливые формы, похожие на животных или деревья.

Начинает холодать, ночь вступает в свои владения. Сажусь поближе к огню, подбрасываю хвороста и слежу за тем, как огонь ярко вспыхивает, искрится, обжигая своим теплом, а потом горит, как прежде, ровно и безмятежно.

Над головой пролетела сова и ухнула, стало страшно... В траве что-то зашевелилось. Я затаила дыхание. Невесть откуда выпрыгнула черная кошка, держа в зубах полевую мышку, и, шипя, испуганно посмотрела на меня. От неожиданности я вздрогнула, а после про себя рассмеялась.

Костер догорает, пожирая пламенем последние ветки. Пора домой, но уходить не хочется. Сажу и думаю о том, как хорошо сейчас в этой туманной тишине...

Кто-то тихими, еле уловимыми шагами идет сзади. Так идти может только один человек — сестра. Она зовет домой. Бросаю взгляд на догоревший костер: угольки тлеют, искрятся...

ЛИСЕНОК

Я медленно шла по цветущему лугу. Благоуханье полевых трав, жучки и паучки, веселые незабудки и скромные ромашки радовали душу. До деревни было еще далеко, да и торопиться особо не хотелось. Солнце было в зените. Оно нещадно палило, припекая землю и обдавая горячим воздухом.

Ярко — голубое небо, раскинувшееся над мной, — без единого облачка. Поставив на землю корзину с душистой земляникой, я присела отдохнуть. Окинув взглядом разноцветное поле, поразились: да чего же богатая фантазия у госпожи природы! Время словно остановилось. Правду говорят: удивительное рядом.... Захотелось окунуться в это море цветов, вдохнуть неповторимый аромат луга. Раздвинув руками густую поросль трав, я вдруг увидела маленького лисенка, неподвижно лежащего совсем рядом со мной.

«Откуда он взялся? Почему здесь лежит? Что случилось?» — мелькнуло в голове. Привстав, я подошла немного поближе. Какой ужас! У лисенка кровоточащая рана! Видно, кто-то из охотников подстрелил его, да не заметил, оставил... Зверек испуганно смотрел на меня и, часто дыша, вздрагивал своим маленьким тельцем. Ставив с головы косынку, я бережно завернула маленькое чудо природы. Твердо решив, что его надо спасти, я побежала в сторону деревни, так и не вспомнив про корзину с сочной ягодой ...

Забежав в дом местного ветеринара, не здоровавшись, со всех ног подлетела к нему и выпалила:

— Пожалуйста, спасите его!

Дмитрий Петрович посмотрел на меня и проговорил:

— Маняша, добрая душа, кого на этот раз ты ко мне принесла?

Я спешно развернула кусочек материи. Лисенок, боязливо скосив глаза, глядел на нас, будто просил о помощи. Старый ветеринар взял его на руки и сказал:

— Ты ступай, ступай. А через недельку-другую приходи.

Прошла неделя, а я ни на минуту не забывала о своем лесном друге. Как-то рано поутру я зашагала знакомой проселочной дороге к большому серому дому на окраине села.

Приветливо улыбаясь, Дмитрий Петрович открыл дверь:

— А-а... это ты, сердобольная Маняша... Ну проходи, проходи... Здоров твой зверь...

Бережно прижимая к груди лесное сокровище, я вышла за околицу деревни. Опуская лисенка на землю, в цветущую траву луга, сказала:

— Ну, беги, беги... и больше не попадайся... И живи, только живи...

Мое сердце отчего-то радостно затрепетало, и мне стало легко-легко. А впереди манил своей красотой пестрый ковер цветов.